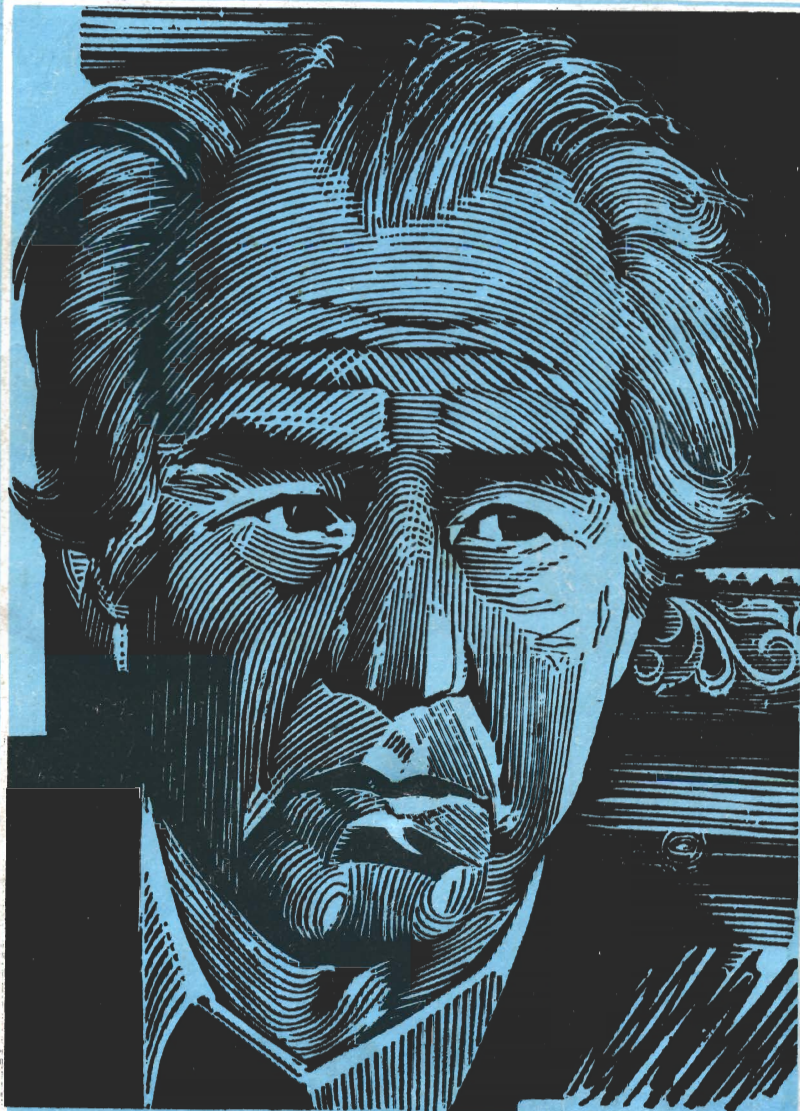

ХНРБ
Д 34-4Б

День Поэзии

ФЕДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КУЗЬБАССЕ

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

ом. 1984 г.
дорова

84Р6
Л 34-45

Федоровские чтения
в Кузбассе

День Поэзии

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
СЛУЖБА
Копировального центра
Кемеровской области
№ 46641

Кемерово
«Ковчезек»
1994

Приложение к журналу
«Литературный Кузбасс»

Федоровские чтения на земле Кузнецкой стали заметной культурной традицией. Так в благодатные августовские дни девяносто третьего красочно и широко справлялся очередной поэтический праздник. И вот голоса поэтов, участников этого праздника, живущих в Кузбассе и иных местах нашей Родины, продолжают звучать сегодня со страниц предлагаемого сборника. В книгу включены также стихи кузбасских поэтов, которых уже нет с нами, но которые знали и любили творчество своего знаменитого земляка.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Размышляя о судьбе Василия Федорова как крупнейшего поэта нашего времени, которого, провожая в последний путь, справедливо нарекли великим, думаешь и о том, как непрост, а порой тернист был путь его стихов к сердцу читателя — народа; о том, что при жизни он не был избалован критикой, заласкан радио, телевидением... И еще думаешь о бессмертии истинной поэзии, ее вечно живом начале...

Его стихи проходят через сердце эпохи.

Юрий Прокушев

СЕРДЦЕ ВЕСЕЛОЕ МИРУ ОН НЕС

Как-то Евгений Буравлев сказал мне:

— Старик, Василий Федоров в Мавзевку приглашает. Большой группой. Машиниста, говорит, обязательно приези.

Что-то притягательное, волнующее перешилось в этой поездке. Связанный по рукам работой, жестким производственным распорядком, я мало общался с друзьями, почти никуда не стлучался из города, а тут такая друг воля и такая снарядилась дружина! Кроме того, я очень люблю доюгу и новые места. Хотелось увидеть одну Василия Дмитриевича, его саого, немного отвлечься и отдохнуть от колесного стука и скрежета. Слоом, я согласился с радостью.

...Дом Василия Дмитриевича, крыль по-амбарному — на два ската, дотясь новыми бревнами, стоит на тровом привольном месте и виден ты ли не от самой Яи. Долго едешь, он все один маячит вдалеке на горке, большим, высоким делает его такое стоположение. Вблизи же не так он велик, с тесовыми сеними и простым, з всяких украшений, крыльцом. Пед крыльцом довольно обширная ог-

рада, как у нас в Сибири принято называть не только собственно изгородь, но и саму территорию, двор. Кое-где в сорном разнотравье, до которого у занятого домом хозяина не дошли пока руки, чернеют лунки с робкими саженцами сибирского кедра, еще не помню каких деревьев — это хозяин показывает с удовольствием и в первую очередь. За домом, с рассветной стороны, крутой спуск к цвелою воде старицы Яи, затянутой у берегов плотною ряской. А дальше такой чистый и высокий простор, что дух захватывает.

Василий Дмитриевич обустроивает дом, помогает обшивать щелевкой стены изнутри, выказывая в работе с ножовкой и молотком немалую споровку. Он доволен, весел. Говорит, что чувствует себя здесь как бы накоротко подключенным к жизни и заботам земли, родной стороны. Потом забавно, с большой симпатией рассказал о нанятом мастере-печнике, который, получив аванс за предстоящую работу, вдруг куда-то исчез и около месяца не показывался на глаза. Затем виновато

Материал дается в сокращении.— Редакция.

явился, добрал остальное и наоборот — никуда не сходя со двора, несколько дней изводил Василия Дмитриевича разговорами, из коих он понял только, что ничего в жизни нет важнее печного дела. К работе же все никак не мог подступиться. Василий Дмитриевич было засомневался, уж печник ли он, не вымогатель, не шарлатан ли какой? Однако совесть, видно, проснулась в мужичке или дождался наконец душевного настроения, но за короткий срок он отгрохал такую печь, что Василий Дмитриевич восхищался ею, как достопримечательностью, всем ее показывал, объяснял «хода», действительно редкое и хитрое печное устройство. Комбайн, а не печь!

Тогда же заехали к Василию Дмитриевичу районные руководители и специалисты — попроведать и узнать, что еще нужно для окончательной отделки дома, чем можно помочь. Евгений Буравлев привязался к одному из них, верно строителю, требуя непременно соорудить лестницу по чертоломному склону к зеленой воде старицы. И так этой лестницей затюкал славного, такого тихого человека, что тот несколько раз, при случайном приближении Буравлева, вздрагивал и, отходя, серьезно заверял:

— Евгений Сергеевич, будет лестница, честное слово. Сказал — будет!

Замечательно прошел в этот день поэтический праздник в райцентре. Василий Дмитриевич слушал нас очень внимательно, просил читать побольше — знакомился. В конце с большим успехом выступил сам. Вечерним поездом мы уехали в Кемерово.

Гораздо лучше запомнилась мне поездка в Марьевку летом 1972 года. Кемеровское телевидение решило сделать обо мне передачу, где должен был и Василий Дмитриевич сказать о моих стихах какие-то слова. Поехали на студийном автобусе. Видно, те-

левизионщики заранее каким-то образом условились с Василием Дмитриевичем, так как он совсем не удивился нашему приезду и, по всему, словно бы ждал нас. С утра он уже несколько часов провел за машинкой, притомился, и наше появление пришлось даже кстати.

В его комнате на столе, рядом с портативной пишущей машинкой, лежали листы бумаги, исписанные стихами от руки. По внешнему своеобразному рисунку строфы теперь я догадываюсь, что работал он тогда над поэмой «Женитьба Дон-Жуана».

Ребята ушли искать электротоник для подключения телевизионной аппаратуры, а мы — Нелли Николаевна Соколова, сценарист и редактор передачи, и я — долго беседовали с Василием Дмитриевичем в его комнате. Затем Нелли Николаевна уединилась с Ларисой Федоровной, а мы с Василием Дмитриевичем вышли во двор, благо, погода была прекрасна. Под мягким предосенним солнцем в кудлатых перелесках, полях, лугах — во всем был покой и вялая истомленность щедрым теплом, буйным наливом, наступающей спелостью. Запомнилось высокое небо и уходящая незнано куда облегчающая душу даль. Когда-то я трудно сживался с городом, где глаза, привыкшие вот к такому пространству, то и дело натыкались на дома, башни и трубы. Взгляд как бы спотыкался о них, ломался, и дальше этих труб и башен ходу ему не было. Оттого, думалось мне, люди в городе должны быть замкнутее, суше, все доброе и худое некуда им выдохнуть, держат в себе. В деревне же если и случалась какая душевная сумятица, то она недолго давила сердце — свободно уходила из него в полевые просторы...

Василий Дмитриевич повел рукой: — Ну как?

Я сказал, что хорошо, слов нет, еще

приемлемо — будет в эту самую аппарель заливаться дождевая вода.

Вскоре вернулись из деревни ребята и огорченно сообщили, что здесь, в Марьевке, нет электролинии нужного напряжения. Так и не состоялась тогда съемка.

Несколько лет кряду я с Василием Дмитриевичем не встречался. В каждый свой приезд из Москвы он приглашал меня через друзей наших общих, хотел видеть, а я все не являлся — никак не отпускала работа на производстве. Почти мимоходом встретились на съезде писателей. Где-то заметил, подошел. Не выпуская моей руки и, словно апеллируя к кому-то в пестром многолюдье, с растяжкой как-то сказал обо мне в третьем лице:

— Виктор что-то меня избегает...

В тихом его голосе за шутливым вроде выговором слышится серьезный упрек, укор, и мне делается стыдно, хоть провались. Вообще он стал мягче, проще, внимательнее, и отходить от него не хочется.

Летом восьмидесятого состоялся большой празднично-яркий поэтический вечер Василия Дмитриевича в Кемеровской филармонии. Шахтеры, химики, студенты горячо его встретили и долго не отпускали со сцены. Он и сам был в ударе, оживлен, доволен. Приветствуя Василия Дмитриевича, прочел там и я свое стихотворение «Изба на горе», ему посвященное:

Это было, было, было

Так давно, чуть помню

сам,

В год, когда еще рябина

Густо рдела по лесам.

В сограх, в травах, буйно

росших,

Пели звонкие ключи.

Без помехи в белых рощах

Жировали косачи.

И у каждой у излуки

Рябь речную как

хлыстом

От избытка жизни шуки

Били радужным хвостом.

Так, от рожи и до лоста,

От опушки до села,

Шла и шла моя дорога

И к деревне привела.

Деревенька небольшая,

Да со всех сторон видна.

Небольшая речка Яя,

Да какая глубина!

Зачерпнул водицы

горстью,

Смыл испарину со лба.

Показалось, кличет в

гости

На крутом яру изба.

Что там ждет, добро

иль худо?

Повернуть или зайти?

Верю я: любое чудо

Может здесь произойти.

Вдруг на взгорке,

как когда-то,

В давнем платье,

налегке,

Граева возникнет Ната,

Царственно пойдет

к реке.

Иль окликнет из

распадка,

Где малиновые кусты,

Глаша, статная солдатка,

Небывалой красоты.

Только вижу: сед,

измаян,

На крылечко без резьбы

Шумно вышел сам

хозяйин

Этой сказочной избы.

Подойти б, сказаться

просто,

Рядом стать к плечу

плечом.

Что ж скажу я, вот

вопрос-то,

И поведаю — о чем?

О дороге, людях, лете

Разверну картину, гость?
Так ведь знает все
на свете,
Так ведь видит все
насквозь...

И ушел я от ограды,
От избы, неся, как весть,
В сердце тихую отраду —
Что она под солнцем
есть.

Будет путь большой
иль краткий,

Тяжкой, легкой ли
ходьба,

Оглянусь с тропы
негладкой —

Пусть останется загадкой
Эта русская изба.

Позднее, в гостинице, куда я с товарищами помог ему нести цветы и подарки от земляков, он пригласил побить, поужинать вместе. Поблагодарил:

— Спасибо за стихи и — что пришел.

Слов нет, непривычно радостно было мне, когда он, сидя на одном ряду через несколько человек от меня и что-нибудь рассказывая, время от времени склонялся к столу и, поворотясь, отыскивал меня взглядом.

Затем я снова долго не видел Василия Дмитриевича. На исходе зимы восемьдесят третьего года в Москву, в ЦДРИ, поехала большая группа работников культуры Кемеровской области. В одном из залов Центрального Дома работников искусств была развернута небольшая выставка живописных и графических работ кузбасских художников. Выделялся яркостью исполнения портрет Василия Дмитриевича, написанный Германом Захаровым. Лицо поэта — одухотворенное, светлое. Взгляд острый и внимательный, устремлен в пространство, вроде всматривается в загаданную для себя трудную, но и отрадную до-

рогу, которую предстоит еще одолеть.

Знакомясь с ЦДРИ, я рассеянно бродил по комнатам и коридорам, стараясь отрешиться от суеты, унять преждевременное волнение — мне предстояло читать со сцены стихи. Вдруг вижу — по лестнице на второй этаж поднимается Василий Дмитриевич с Ларисой Федоровной. Вот уж радость! Оказывается, узнал откуда-то о нашем приезде, пришел повидать земляков и на свой портрет взглянуть, наверное, интересно было. Я знал, что он тяжело болел, перенес сложнейшую операцию. Все это, конечно, убавило здоровья, крепко его подкосило, но не был он удрученным или подавленным. Правда, сразу сказал, что неважно себя чувствует и до конца праздника не останется.

Портрет Василию Дмитриевичу понравился. Обходя зал, он нет-нет да взглядывал на него с разных сторон. Успокоенно отошел, когда о портрете одобрительно отозвался известный художник Яр-Кравченко. Около получаса были мы с Василием Дмитриевичем неразлучны. Даже когда меня на несколько минут отвлекло ЦТ, он далеко не отошел, постоял в сторонке, подождал. Потом мы сходили вниз — ему что-то понадобилось взять в гардеробе, — нашли там в каком-то закутке свободный диван и посидели, ему не хотелось колготы и сумятицы. Он вдруг сказал, что хотел бы побывать в Марьевке зимой и смогу ли я туда приехать. Знал, что с другими нашими ребятами договориться проще, а меня строго держит работа, производство. Тихо и доверительно мы беседовали, но разошелся звонок, и надо было нам расходиться — Василий Дмитриевич направился в зал, а я — на сцену, где и хозяйева-москвичи, и гости-кузбассовцы занимали уже места. На прощание он протянул руку и еще раз сказал, что до конца не останется, немного побудет и уйдет.

Сидя на сцене у самого задника, я тянулся и привставал, ряд за рядом перебрал весь зал и отыскал Василия Дмитриевича — он сидел совсем недалеко от сцены, на шестом или седьмом ряду. С четверть часа я нет-нет да поглядывал туда: сидит ли, не ушел ли домой. Потом, во время краткого перерыва, я увидел, как он поднялся и легко, как всегда он ходил, пошел по

проходу. Затем повернул налево и, двигаясь к двери, посмотрел на сцену. Я помахал ему рукой. Не знаю, меня ли он заметил или кого-то еще, но уже у самой двери он тоже поднял над головой руку, как мы обычно делаем — и приветствуя, и прощаясь.

Больше я Василия Дмитриевича не видел.

Виктор Баянов

12 августа 1985 года

Виктор Баянов

* * *

Салаир, Салаир...
Горы с дымкой и с лающим эхом.
Так и слышатся мне соловьи
В поэтичном названии этом.
Думал я: среди горных громад,
Молодые сердца будоража,
Соловьи там гремят и гремят
По всему Салаирскому кряжу.
Только встретился я с тишиной,
И она меня насторожила.
В переулках, большой и смешной,
Останавливал я старожиллов.
Прямо спрашивал и намекал,
Соловьи, мол, поют ли ночами?
А они удивлялись слегка
И в ответ пожимали плечами.
Лишь у дома, где нечему цвести,
Где деревьев совсем было мало,
Мне девчонка ответила: «Есть.
Я сама его слышала в мае.
Было звездно и было темно,
Все цвело, месяц был на ущербе.
Он ко мне прилетел под окно
И запел, заливаясь, на вербе.
Только дед разозлен этим был.
Он сказал: «Греховодные птицы» —
И на завтра все вербы срубил,
Чтобы негде им было ютиться...»
Я гостил у тебя, Салаир,
Не проеду и в будущем мимо.
Как поют там твой соловьи,
Мне услышать необходимо.
Есть они. Я пойду за реку,
Я все горы шагами измерю.
Я не верю тому старику,
А улыбчивой девочке верю.

ВСТРЕЧА

Сучки́ как будто бородавки
На чистом, скобленном полу.
Смолой сосновой пахнут лавки,
Подбелка свежая в углу.
В окно раскрытое заметней,
Как листья кружат во дворе.
Сама ж хозяйка в самой летней
И наливной своей поре.
Я шумно воду пью из кружки
И не в окно смотрю — левой,
Как гнутся тоненькие дужки
Почти девических бровей.
От них былому не начаться,
Хотя подковками легли...
Их брали некогда на счастье,
Но счастья с ними не нашли.
Заглохла и моя обида.
Мне жаль их тоненький изгиб,
Но я, не подавая вида,
Спокойно вышел из избы.
А на крыльце, вздохнув свободно,
Я сквозь какой-то странный звон
Подумал: женщине сегодня
Приснится светлый-светлый сон.
Приснится осень, листьев шорох,
И кто-то из забытых лиц,
И стук мужских шагов тяжелых,
И скрип тесовых половиц.
Она проснется, выйдет в сенцы,
Поймет, что это снов игра,
И одиноко, с болью в сердце
Всю ночь проплачет до утра.

Перила новенькие в глянце,
 Сосною тянет за версту.
 В разливе май, в разгаре танцы
 Среди деревни на мосту.
 Весна!
 Картинно став на кромку,
 Как у любимой под окном,
 Терзает новенькую хромку,
 Слегка куражась, агроном.
 Сам подпевает ей с присвистом,
 Забыв о первой борозде.
 И кружат звезды в небе чистом
 И те же самые — в воде.
 Гудят сосновые подмости,
 Танцует юность и поет.
 Мне за отбитые подметки,
 Наверно, завтра попадет.
 Зато душа моя не тужит,
 Зато опять дружу с весной.
 И вечер звезды кружит, кружит
 И надо мной, и подо мной.

ВОДОПАД

Никогда не разбивал он лодки,
 Не топил их, тяжело бурля.
 Днем к нему веселые молодки
 Приходили с горками белья.
 Возвышалась мельница над кручей,
 Как большая черная скала.
 Там всегда бранчливой и скрипучей
 Очередь мешочная была.
 Мужики отряхивали куртки,
 Поднимая облака муки.
 В водопад ныряли их окурки,
 Как черноголовые мальки.
 Помнится, что по дворам в ту пору
 О тревожном, непонятном нам,
 Шепотком шуршали разговоры,
 Точно тараканы по углам.
 Лишь у водопада, на запруде,
 Из-за шума слышные едва,
 Говорились громко, всею грудью,
 Злые, наболевшие слова.
 Я за то люблю его, как друга,
 Что, стараясь шепот заглушить,
 Он учил меня и всю округу
 Только в полный голос говорить.

Будет тихо и туманно
 И по-летнему тепло.
 Будет вновь Аким-и-Анна —
 Очень странное село.
 Там деревья-великаны
 Подбрели к речной косе.
 Там про ружья да капканы
 Разговаривают все.
 Там, в шестой избе от края,
 При зашторенном окне,
 Разведенка молодая
 Приготовит ужин мне.
 И с печалинкой во взгляде
 Скажет: «Дальше не ходи.
 Впереди ночные пади.
 Мост подгнивший впереди.
 Ты подумай, парень, здраво:
 Знаю все окрест места,
 Что живет худая слава
 Возле этого моста.
 Там разбились поезжане,
 Там когда-то у скалы
 Острым камнем каторжане
 С ног сбивали кандалы.
 Зверолова с лисьим мехом,
 Приискателя с конем
 Мост встречал варначьим смехом
 Да тяжелым кистенем.
 Там в зыбун глухой, холодный
 За колодины и пни
 Завлекут тебя болотные,
 Дрожащие огни...»
 Я забудусь на минутку.
 Замечтаюсь.
 И тогда
 Станет сладко мне и жутко,
 Будто в детские года.
 Я увижу деревеньку,
 Ветхий мост, где возле скал
 Кто-то девку, кто-то деньги,
 Кто-то голову терял.
 И поверю в страхи-байки
 Про трясины и леса,
 Потому что у хозяйки
 Очень синие глаза...

По малину за селенье
 Мы уходим напрямиком.
 Я готов на край вселенной
 За своим проводником.
 Я спросил ее: — Ты шорка?
 — Да, тайга мой дом, мой кров.
 И косынкою из шелка
 Отгоняет комаров.
 Пни стоят в траве как стулья.
 А она вперед, вперед,
 Словно чуткая косуля
 По тайге меня ведет.
 И малине и Марине
 Наливаться, медоветь.
 За Мариной по малине
 Пробираюсь, как медведь.
 Вот уж новая корзинка —
 Тяжела,

тяжела.

Бирюзовая косынка
 Поверх ягоды легла.
 Я прилег, как будто в доме,
 Под развесистой сосной.
 Закружились в легкой дреме,
 Понеслись передо мной —
 То деревья в смутном гуле,
 То речные берега,
 То Марина, то косуля,
 То малиновы лога.

Изба моя, приветь меня,
 Побалуй давней лаской отчей.
 Погрей у своего огня,
 Чем бог послал меня попотчуй.
 И над землей, и над водой,
 Сквозь все удачи и оплошки,
 Мне самой близкою звездой
 Сиял огонь в твоём окошке.
 В большой судьбе твоей теперь
 Все так предпразднично, субботно.
 Я в эту низенькую дверь
 Когда-то проходил свободно.
 Я был, как ты, и мал, и прост,
 Был светом полевым просвечен.
 И прибывающий мой рост
 Вон на венцах твоих отмечен.
 На крыше — тот же дерн
 пока.

И с этой крыши многоцветной
 Под легкий шелест ветерка
 Свисает колокольчик летний.
 И спорым дождиком омыт,
 Трезвоном наполняя уши,
 Он мне о юности гремит,
 Гремит от года к году глуше.
 Изба, и летом, и зимой
 Твой отсвет надо мной витает.
 Стою, и рост отметить мой
 Венцов сосновых не хватает.
 И не могу унять теперь
 Далеких лет степного звона.
 И не могу я в эту дверь
 Пройти без низкого поклона.

Вот опять
 Ощущает строка
 Притяженье родимых предгорий,
 Где река —
 Как полет родника,
 Пожелавшего встретиться с морем.

Вот опять
 В сочетанье простом
 Голос времени
 Я различаю.
 И звучащее ласково — Томь
 Мою строгую рифму
 Смягчает.

Здесь однажды
 С ночной высоты
 Я в долине своей обозначил
 Очарованный берег мечты
 И сверкающий берег удачи.

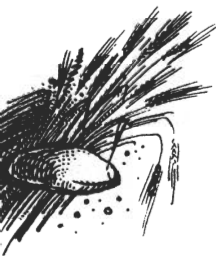
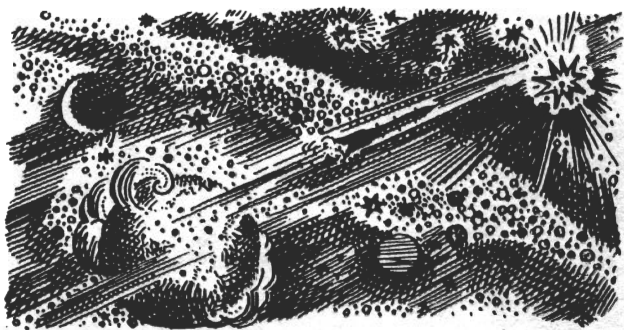
Древний предок
 На камне крутом
 Высек легкую поступь оленя,
 Прошептал восхищенно:
 — Т-о-о-о-м! —
 И, шаманя,
 Упал на колени.

За огонь,
 Полыхнувший из тьмы,
 За удачу
 В охоте иль битве
 Он молился,
 Должно быть, и мы
 Упомянуты были в молитве.
 Потому что он жив,
 Тот олень,
 К нам домчавшийся через эпохи.
 Не его ль разветвленная тень
 Пролегла,
 Обозначив истоки?

Какому зову ныне внемлю?
 О чем несуетная речь?
 Открыть неведомую землю?
 Да нет! —
 Родимую сберець!

А что доверю я тетради?
 А что доверит мне тетрадь? —
 Слов изначальных
 Не утратить,
 Мелодию не потерять.

И в перестуке новых станций
 Какой удел зову судьбой?
 Найти себя?
 Да нет! —
 Остаться
 Самим собой,
 Самим собой.

Иллюстрации В. Кравчука
к поэмам Василя Федорова
«Вега»
«Белая роща»
«Проданная Венера»

1000

